

АЛЕКСЕЙ СТАВНИЦЕР

НАЧАЛО. ВОСХОЖДЕНИЕ. ВЕРШИНА

Мстислав Горбенко

**Алексей Ставницер. Начало.
Восхождение. Вершина**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Горбенко М.

Алексей Ставницер. Начало. Восхождение. Вершина /
М. Горбенко — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Однажды Алексей Ставницер подумал, что пора бы в Украине появится частному порту, и создал его с нуля. Единственное, что он тогда знал о портах – это как носить мешки с мукой, так как подрабатывал в Одесском порту в студенчестве. А будь у него профильное образование – точно ничего бы не вышло. Вряд ли Алексей Ставницер представлял, что его идея повлияет на всю портовую отрасль, а ТИС станет самым большим портом в Украине. Просто ему было интересно работать, придумывать, создавать и брать на себя ответственность. А еще Алексей очень любил покорять вершины. Альпинизм был его страстью, которой он щедро делился со своими учениками. “Начало. Восхождение. Вершина” – теплые воспоминания людей, которые прожили жизнь рядом с Алексеем Ставницером и видели, как ему удавались все его подъемы и падения.

Содержание

Коллектив авторов	5
Биография	7
Начало	9
Вадим Сполански	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Ставницер. Начало. Восхождение. Вершина

Коллектив авторов

Вадим Сполански, *родной брат Алексея Ставницера, инженер-химик.*

Виктор Ставницер, *родной брат Алексея Ставницера, член Союза художников СССР, член Академии современного искусства, скульптор, график, театральный художник.*

Игорь Шаврук, *заслуженный артист Украины, главный дирижер камерного оркестра Одесской филармонии, дирижер Одесского оперного театра.*

Егор, *старший сын Алексея Ставницера.*

Анатолий Королев, *техник-технолог, мастер спорта по альпинизму.*

Мстислав Горбенко, *«снежный барс», заслуженный мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер Украины.*

Михаил Ситник, *мастер спорта международного класса.*

Александра Старицкая, *инженер-строитель, кандидат в мастера спорта по альпинизму.*

Абрам «Асик» Мозесон, *заслуженный мастер спорта по альпинизму.*

Владимир Мамчич, *«снежный барс», кандидат в мастера спорта по альпинизму.*

Олег Кутателадзе, *сооснователь ООО ТИС, глава наблюдательного совета ООО ТИС.*

Олег Сологуб, *главный инженер ООО ТИС.*

Алексей Федорычев, *президент Fedcominvest.*

Александр Чебручан, *заместитель директора ООО «ТИС-Уголь», директор «ТИС-Руда».*

Виталий Котвицкий, *заместитель генерального директора по инфраструктуре ООО ТИС.*

Хобарт Эрл, *заслуженный артист Украины, художественный руководитель и главный дирижер Национального одесского филармонического оркестра.*

Анатолий Римко (*отец Анатолий*).

Валерий и Наталья Албул, *члены Союза художников Украины.*

Оксана Изюмова, *администратор офиса АБК «Визирка».*

Александр Токменинов, *председатель Визирского сельского совета.*

Биография

Алексей Михайлович Ставницер (1942–2011)

Алексей Михайлович Ставницер родился **3 сентября 1942 года** в Сызрани, Самарская область, в период эвакуации семьи из Одессы.

Отец, Михаил Фроимович, с 1920-х годов работал в угольной промышленности, одновременно занимаясь журналистикой. Вскоре после возвращения в освобожденную Одессу он полностью посвятил себя редакторскому делу и драматургии.

Алексей был младшим из шести детей в семье.

В 1948 году он поступил в школу им. Столярского по классу скрипки.

1960–1965 годы Алексей учился в сельскохозяйственном институте, где потом продолжил заниматься в аспирантуре. В это же время увлекся альпинизмом.

В одесском альпклубе Алексей Михайлович познакомился со своей будущей женой Аллой Гребенниковой. **В 1972-м** у них родился первый сын Егор.

В 1979 году Алексей получил звание мастера спорта СССР по альпинизму. В том же году семья переехала на Кавказ. Там в **1982-м** родился второй сын Андрей.

Работая на турбазе «Терскол» министерства обороны СССР, Алексей Михайлович организовывал массовые армейские альпиниады на Эльбрус.

Став начальником учебной части в альплагере «Шхельда», он построил стенд для обучения страховке и испытания снаряжения, что по тем временам было существенным шагом вперед в методике обучения альпинистов. Собрал коллектив инструкторов-единомышленников, он вывел лагерь в разряд одного из лучших в СССР.

Затем Алексей Ставницер создал и возглавил учебно-методический центр «Эльбрус». Этот лагерь на несколько лет стал всесоюзным центром альпинизма, где велась подготовка инструкторов, альпинистов, промальпинистов, спецподразделений, пограничников.

После возвращения с семьей в Одессу в 1989-м Алексей Михайлович начал работать в кооперативе «Промальп». Его профилем работы по-прежнему оставалось обучение альпинизму и совершенствование спортивного снаряжения.

Позже он начал собственный бизнес. Свою первую компанию Алексей Ставницер назвал «Эверест».

В 1994 году вместе с Олегом Кутателадзе основал компанию «Трансинвестсервис» (ТИС). Первым инвестором и партнером стал российский бизнесмен Алексей Федорычев.

ТИС стал фактически первым частным морским портом в Украине. Инфраструктура ТИС, созданная почти с нуля, – это 8 собственных причалов общей длиной 2 километра и 5 транспортных терминалов, три из которых – зерновой, угольный и удобренческий – крупнейшие в Украине.

Для обеспечения деятельности ТИСа было построено 60 километров железнодорожных путей, в том числе 6 километров магистральных, переданных государству; произведено углубление акватории в объеме 7 млн куб. м и выемка грунта на суше в объеме 6,5 млн куб. м.

ТИС неоднократно побеждал в Национальном морском рейтинге Украины в различных номинациях, среди которых – «Достижение года» на протяжении последних четырех лет, в 2008–2011 годах ТИС занимает первое место в Украине среди портов по перевалке сухих грузов и седьмое – на побережье Черного моря.

Алексей Ставницер был дважды признан Национальным морским рейтингом Украины «человеком года» в транспортной сфере – в 2008 и 2009 годах.

После продолжительной болезни Алексей Михайлович Ставницер умер **27 февраля 2011 года**.

Начатое им дело продолжают сыновья – Егор и Андрей Ставницер.

Начало

**Первая картинка семьи для Алеши: уткнувшиеся в книжки папа с мамой, братья и сестры. В семье была какая-то жадность на чтение, возможно, потому что это было окно в иной мир...
Вадим Сполански (Ставницер...)**

Книги, журналы, в том числе с публикациями отца, – библиотека в доме Ставницеров была важной составляющей и формировала нравственные критерии у шестерых детей. Так же, как и музыка.

Культурные предпочтения всех членов семьи не меньше, чем исторические обстоятельства, сформировали характер и личность Алексея Ставницера.

Вадим Сполански

Родной брат Алексея Ставницера, инженер-химик

Российская империя конца XIX века понятия не имела о числе своих подданных. Первую перепись провели в 1896 году. Переписчики спрашивали имя собственное и, если оно было, имя родовое – фамилию. Вопрос о фамилии ставил в тупик если не большинство, то множество граждан Империи. В России, по вековой традиции, человек получал имя в крещении, но не фамилию. И Иван, к примеру, сын Ивана не становился Иваном Ивановым, он вполне мог иметь уличное прозвище. В результате первой переписи родовые имена были уточнены и закреплены документально. Но это в исконной России.

Несколько иная картина была на западных рубежах Империи. Там переписчикам достаточно часто называли как имя собственное, так и фамильное. Протянувшиеся от Прибалтики до Черного моря территории были частью Восточной Европы, которая жила иной культурой и общественной историей, но одновременно эти же земли лежали на перепутье экспансий всех империй – от Золотой Орды до Оттоманской Порты. В известном смысле население этого пространства в своих именах-фамилиях отражало историю переделов Европы.

В подольском местечке Славута переписчиками внесены в списки подданных Российской империи две семьи, которые уже давно носили фамильные имена, и этими фамилиями были Гурански и Ставницер. Вот отсюда и произрастает наше родословное древо, на котором в сентябре 1942 года проклюнулась новая веточка – Алексей (в крещении Михаил) Ставницер.

Кто же такие были Гуранские (эту фамилию носила мама Алексея)? И откуда пришли в Подолию Ставницеры? Здесь придется вспомнить, что некогда Польша была границей двух миров: просвещенного Запада и варварского Востока. Шляхта в Речи Посполитой была наделена правами и вольностями, о которых и мечтать не могла знать в соседних державах. Каждый ясновельможный князь имел собственные представления о своем праве на престол, каждый имел собственный двор и армию. Одним из древних и влиятельных княжеских родов в стране были князья Сангушко. К концу XIX века едва ли не последний представитель этого значительно обедневшего рода все еще считал оставшихся в его доме людей своим «двором» и считал заботу о них своим долгом. Вот среди таких людей, именуемых серой шляхтой, был Виктор Гурански. Попечением князя он изучал медицину в университете, где, помимо знаний профессиональных, набрался передовых идей преобразования государства и общества, стал членом социал-демократической партии.

Город Славута, поместье князя Сангушко

В 1912 году это увлечение привело Гуранского к тюрьме и ссылке в Сибирь, сроком на 5 лет. Его жену и детей – Ксению, Антона и Александру – князь продолжал поддерживать. Старшая дочь Ксения обучалась в гимназии. Она и в глубокой старости изъяснялась на французском и немецком. Скорее всего, не оставил бы князь без образования и младших – Александру и Антона. Но грянувшая Первая мировая и последовавшая за ней революция прошли по судьбам и Сангушко, и Гуранских опустошительным смерчем...

Февральская революция освободила Виктора Гурански от ссылки больным и истощенным. Он добрался до дома Сангушко лишь к лету 1917 года, на которое пришлось развал фронтов, начинающаяся разруха и голод. Свидетельство тех времен в семье не сохранилось, скорее всего, страдали, как все. Зимой 1918 года Гуранские, жившие в доме князя, лишились своего покровителя и благодетеля. Князь на гребне плотины в своем имении столкнулся с дезертирами – их банды бродили по всей прифронтовой полосе. Уже смертельно отравленные большевистскими призывами грабить награбленное и нести смерть буржуям, дезертиры оскорбили

старого, но не потерявшего достоинство князя. Он ответил им, как принято отвечать быдлу. Дезертиры подняли его на штыки и сбросили в пруд. Вскоре они ввалились в дом Сангушко и потребовали у Гурански «награбленного»: денег, ценностей, вещи, вино и еду. Вчерашний каторжник и революционер ответил, что в доме, кроме убитого ими князя, больше ничего нет. Его жестоко избили. Дом разграбили. На следующий день от полученных увечий Гурански скончался. Его детей закружил и разбросал «освежающий ветер» пролетарской революции.

В тех же местах, где переписчики зарегистрировали фамилию Гурански, впоследствии русифицированную на Гуранский, в число подданных Российской империи был занесен и Ставницер, тоже как «имя фамильное». Оно могло свидетельствовать, что род, прежде чем осесть в Польше, имел за собой долгий путь странствий по всей Европе. И можно лишь предполагать, где и как он обрел такую фамилию. Лингвистические фантазии позволяют предположить, что сочетание в фамилии букв и лексических смыслов имеет староголландские корни и характерно для обозначения как нотного стана, так и ступенек штормтрапа, бочарной клепки. Конечно, здесь трудно удержаться от соблазна «прицепить» фантазии к вполне конкретным фактам биографии Алексея, в которой присутствуют и музыка, и штормтрапы, и штормовые ситуации вообще, но жизнь его была столь насыщенной, что в выдумках не нуждается.

Революции срывали с привычного круга не только малые державы, их вихри уносили и меняли облик целых материков, что уж тут говорить о двух местечковых семьях, даже о детях этих семей. Дети же, только-только вступающие во взрослую жизнь, легко попадали под очарование лозунгов и обещаний равенства, всеобщей любви, и пространство грез становилось для них главнее реальной жизни.

При том, что Гуранские и Ставницеры жили достаточно недалеко друг от друга, будущие родители Алексея Михайловича вряд ли когда-либо повстречались бы без революционных перемен, а уж чтобы соединить свои жизни... И дело не только в цензе имущественном. Подолье и за 70 советских лет не стало безбожным, а в те годы принадлежность к различным вероисповеданиям была препятствием более чем серьезным.

Ставницеры жили зажиточно. Семья арендовала прибыльный кирпичный завод, управляла его работой, имела склад пиломатериалов. По современным понятиям, была фирмой, производящей и торгующей строительными материалами. Два сына Фроима Ставницера посещали не религиозную школу, а нормальную гимназию, туда же была впоследствии определена и младшая дочь. И это не естественный процесс угасания кагала: ни предки Фроима, ни он сам не придерживались ортодоксальных религиозных взглядов. Но не быть ревностным иудеем, как и ревностным католиком, и создавать семью с человеком другой веры – вещи разные. Это, как правило, требовало перехода мужа или жены в другую религию, что считалось... В общем понятно, чем это считалось и как воспринималось. Достаточно заглянуть в словарь Даля, чтобы определить «толерантность» тогдашнего общества.

Революционная молодежь ломала сословные и религиозные перегородки. Были среди них и наши родители. В комсомольской ячейке и встретились девушка в красной косынке Александра Гурански и молодой, черноволосый, с голубыми глазами Михаил Ставницер. Семейой они стали потом, а изначально – товарищи по борьбе, и не понарошку, а с настоящими боями и походами в составе отрядов ЧОН – частей особого назначения. Мама, как гласит семейное предание, юным бойцом особо очарована не была, хотя он норовил подставить ей мужское плечо как в походах, так и на привалах. Потепление, хотя и достаточно медленное, началось после такого эпизода. Чоновцы преследовали отряд повстанцев, по понятиям того времени – банду. В боевой стычке, когда чоновцев накрыли плотным огнем, Михаил закрыл собою Александру. И как-то не очень охотно оторвался от девушки после прекращения огня.

**Александра Викторовна и Михаил Фроимович
Ставницер, 1925 год**

Потом, в зрелые годы, Александра Викторовна вспоминала свою революционную юность без придыханий и патетики, больше – с юмором, цитировала фольклор того времени. Например, о грядущем коммунизме: «Кому на, кому ні. Кому дулю, кому дві». ВЛКСМ – «Всех Люблю, Кроме Своего Мужа» как реакция на модную в 20-е годы идею отмены браков и обобществления женщин... Некие сомнения Михаила в святости и цене революционных побед

появились в бесконечных погонях за бесконечно возникающими «бандами контрреволюционеров»: если идея коммунизма правильна и так понятна, то почему они этому противятся? Впрочем, «сомнения» – сказано слишком сильно. Они были романтиками, будущее рисовалось в тонах радужных. Тем более, что гражданская война закончилась их победой, а победители всегда правы.

Мирная жизнь начиналась с амбициозного проекта новой власти – индустриализации страны. Он был столь масштабен, что головы кружились не только у вчерашних чоновцев, но и у мыслителей мирового масштаба: Горький, Андре Жид, Фейхтвангер, Ромен Роллан... Сверхзадача требовала уже не заготовки дров и строительства узкоколеек, как в романе Островского, а крутого изменения всего жизненного уклада. Кровью советской экономики был уголь. Угля катастрофически не хватало. Западные экономики тоже испытывали угольный голод, но альтернативу видели в нефти, на нее и ставили в технологических исканиях. Наша позиция была твердокаменной – уголь. Это и определило выбор дела, которому потом была подчинена жизнь Михаила Ставницера.

Откатка угля из шахт на поверхность, 1910–1920-е годы

В 20-е годы, как бы это не казалось странным, не люди выбирали профессию, а профессии рекрутировали себе нужных по знаниям, характеру и способностям. Так угольное дело потребовало Михаила Ставницера. Потребность была острой, так как новая власть не особо по-хозяйски, и уж точно не по уму, обошлась с технической интеллигенцией царской России. Что же касается Александры... Грамотную, с революционной биографией комсомолку решили направить на рабфак Харьковского, в то время столичного, университета. Но у нее оказалось дело поважнее – материнство.

Вскоре в семье появилась дочь. Рада. На календаре – 1926.

В отличие от октябрин, ленин и марксин, имя девочке выбирали не по идейным соображениям. Мода на Рад в двадцатые годы, скорее всего, пошла от цыганской, по Пушкину, вольницы. Ну, а что в имени – то и в характере. Рада во взрослой жизни оказалась, что называется, «девушкой с характером». Для всех мальчишек, появившихся потом в семье, – для Вадима, для Эрнста, Виктора и Алексея – она была и примером, и гордостью. Но это – потом.

Угольное дело Михаил Ставницер осваивал в «большевистских университетах» по-большеvistки – с энтузиазмом и натиском. Из первых наборов партия ковала поколение красных директоров, для которых не существовало неразрешимых задач. Хотя кирка и лопата еще были главным инструментом угледобычи, Ставницера обучали механизации шахтного дела, знакомили с лучшими образцами техники. К ним принадлежали и угольные комбайны американско-канадской фирмы «Сулливан». Первые такие машины уже поступали на шахты подмосковного угольного бассейна. Скоро появятся и их братья-близнецы – эти же комбайны, но советского производства. Наши «Сулливаны» имели существенную поправку на малограмотность рабочего класса и оказались по этой причине лучше и долговечнее. На них ставили рекорды. В одной из центральных газет появилась красноречивая публикация «Посторонитесь, мистер Сулливан!». То есть уступите дорогу отечественному оборудованию. Автором был никому не известный технарь Михаил Ставницер. Так что еще неизвестно, что выбрал бы сам Михаил, если бы не угольный призыв. Хотя инженером и управленцем он был толковым, но в журналистику, в писательство его заносило уже тогда, что не осуждалось, но и не замечалось.

Управленческие успехи Михаила Фроимовича совершались в провинциальных шахтерских городках, быт которых отличался от родной Шепетовки разве что угольной пылью. В таком городке – теперь Новомосковске (прежде Бобрике-Донском, потом Сталиногорске) в 1930 году родился Эрнст.

Казалось бы, что геополитические события начала века никакого отношения к Гуранским-Ставницерам не имеют. Где какой-то Бобрик-Донской, а где – Лига Наций, делившая территории, принадлежавшие побежденным Германии и Порте. Куски пожирнее – сильным, поскуднее – державам без претензий. Дания выпросила Гренландию, тогда казалось – «ледник», а сегодня – кладовая нефти и газа. Норвегия получила холодный необитаемый Шпицберген, а оказалось, что остров из каменного угля. Советский Союз взял у Норвегии концессию на добычу угля на этом острове. Нужны были специалисты по добыче вдали от Родины, то есть знающие дело и надежные политически. Ставницер прошел проверку всех инстанций и распоряжением Министерства угольной промышленности СССР был направлен на остров. Поскольку срок командировки был определен в два года, ему разрешили взять с собой семью. И летом 1934 года, оставив только родившегося Вадима на попечении сестры Александры, Ксении Гуранской, семья отправилась сначала в Мурманск, а уже потом на Шпицберген.

Угледогрузка в Баренцбурге

В Одессе, через угольный наркомат, Ставницерам выдали бронь на крохотную комнатушку на улице Франца Меринга. По советским правилам, каждый человек не мог иметь жилье и даже пристанище в двух местах одновременно. Они существовали вплоть до развала СССР. Исключение составляли только полярники – они имели привилегию бронировать за собой жилье на время командировки. Впоследствии эта «броня» сыграла для семьи Ставницеров важнейшую роль.

Пароход шел на Шпицберген через ледовые массивы, через туманы с дождем и снегом, которые загоняли пассажиров в каюты. Казалось, это путешествие в радость и удовольствие только Михаилу Фроимовичу, который впитывал в себя неведомый доселе арктический мир. Во всяком случае ни Рада, пребывавшая в отроческом возрасте, ни тем более четырехлетний Эрнст ярких впечатлений от морского путешествия не сохранили. А Шпицберген... Какая яркость воспоминаний о мире, где 9 месяцев в году полярная ночь, а потом на пару месяцев солнце забывает уйти за горизонт, мир становится надоедливо желтым, но все так же холодным и мокрым?! Зимой из дома в дом переходы осуществлялись по канатам – из-за пурги и темноты.

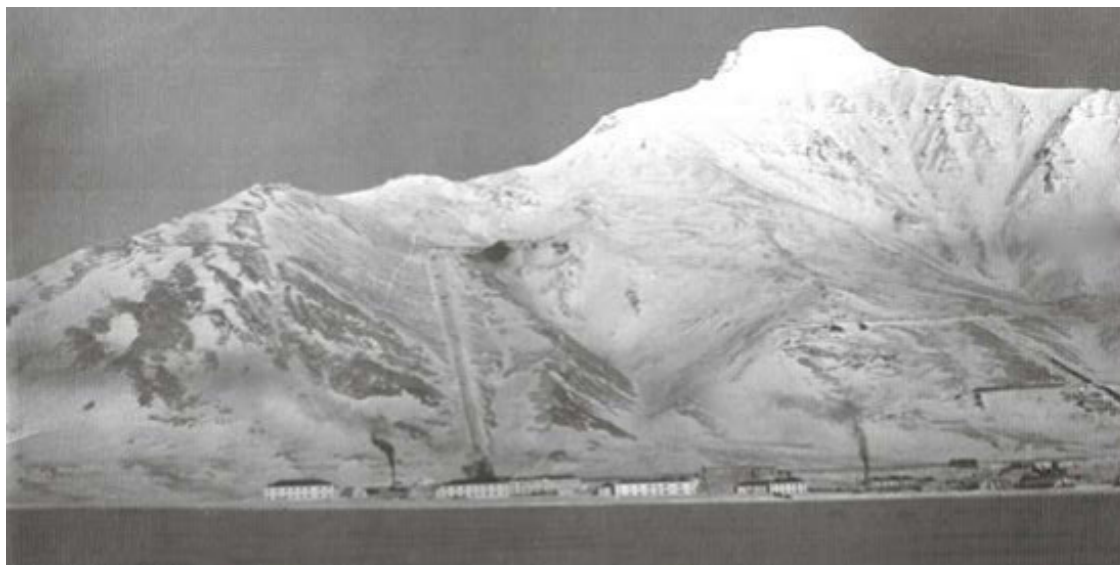

Шторм у берегов Шпицбергена

Колония острова была многонациональной, разноязыкой, что ничуть не мешало взаимопониманию и общению. Возможно, еще и потому, что общим было главное – угледобыча, которая и сегодня берет дань живой кровью. А уж тогда... Мама навсегда запомнила страшный день, когда в шахте, которую инспектировал отец, начало рушиться крепление. Такие новости распространяются молнией, и все жены сбежали к шахте и ждали – пронесет? Повезет?

У советских на острове был свой уклад, которому удивлялись и немножко завидовали другие концессионеры. Мало что жили коммуной, а значит, и дружно. В моде была самодеятельность, а в самодеятельности – козырная карта колонии, хоровое пение. Певческие амбиции островитян замахнулись даже на оперу. Получилось не ла Скала. Но на скалах Шпицбергена это была лучшая оперная постановка. И уж совсем поразил норвежцев балет. В одноактном спектакле блистали «две звезды» – Рада Ставницер и Майя Плисецкая. Отец Майи был Полномочным Представителем СССР при Норвежском управлении на Шпицбергене. Майя и Рада дружили, как дружат в подростковом возрасте все мечтательные девочки. Сила сценического притяжения оказалась у них разная. Майя стала балериной с мировым именем, Рада это притяжение преодолела – ее влекло туда, где риски и адреналин зашкаливают.

Плисецкие и Ставницеры семьями не дружили, но отношения были теплыми, что потом скрасило долгое путешествие во льдах при возвращении со Шпицбергена, когда и наобщались, и наговорились на многие годы вперед. Пароход шел в норвежский порт Берген. Ставницеры возвращались на сезон раньше контрактного срока по уважительной причине – Александра Викторовна вновь ждала ребенка. По расчетам, роды предстояли в конце января – феврале 1936 года. Медицинская часть на острове, конечно, была, но чтобы с родильным отделением – это было бы не по-советски. Ясное дело, что и авиасообщения с островом не было.

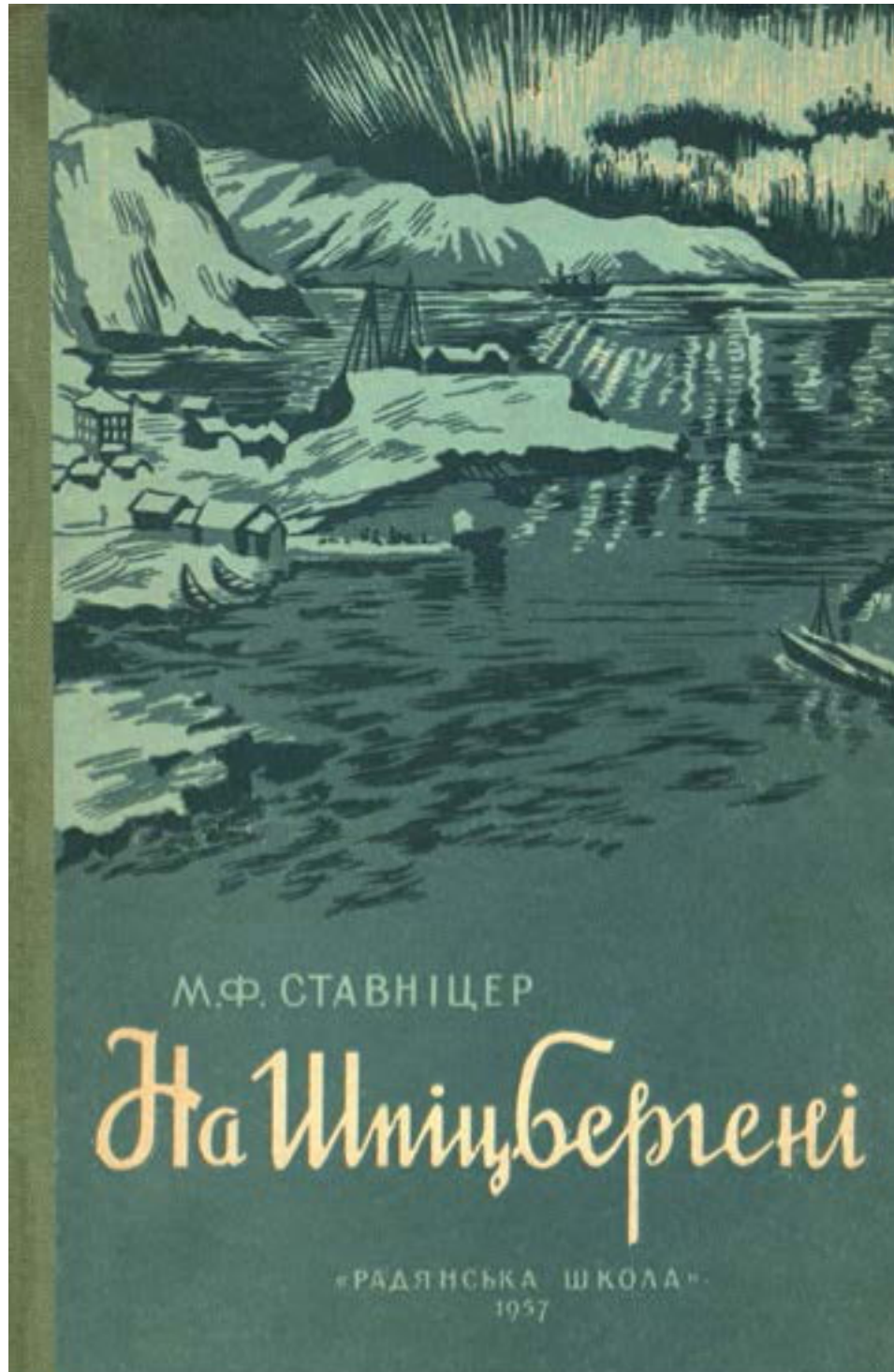
Остров Шпицберген

Предполагалось, что Михаил Фроимович, пришедшийся Шпицбергеному, как говорится, ко двору, весной следующего года опять вернется на остров. Но судьба решила все по-своему. Наркомат угольной промышленности направил его на новые шахты под Тулой, в Болохово. О командировке на Шпицберген больше никто не вспоминал. А времена уже наступили такие, что напомнить о желании поработать за границей было равносильно самоубийству. Вместе с тем Арктика Михаила Фроимовича не отпускала – обычная ситуация с творческими натурами. Тоску по ней он доверял бумаге, что тоже было не совсем разумно в роковые годы – 36–37-й. А в 1947 году в Ленинграде вышла его книга «Русские на Шпицбергено». Хотя рукопись датирована 1946-м, можно предположить, что писалась она в ностальгии по белым просторам задолго до войны, так как и в военные, и в послевоенные годы Ставницеру было не до литературных упражнений. Потом, к слову сказать, книжка вышла и в украинском переводе – «Шпицберген». Она и сегодня интересна, и потому что остается единственным популярным источником знаний истории открытия этого острова русскими еще задолго до того, как его увидел Вильгельм Баренц, голландец на службе России, и как документ своего времени.

В феврале 1936 года, в Одессе, родился третий сын Ставницеров – Виктор. К радости прибавления в семье примешивалась тревога. Хотя сам Михаил Фроимович ни разу не попал в поле подозрения НКВД, многие его друзья, сослуживцы и просто знакомые уже исчезли в подвалах Лубянки. Тревожным звонком был арест в Москве дипломата Плисецкого. Осенью 1937 года, в Бобрик-Донском, пришли и за Ставницером. Похоже, что брали его по известному принципу – был бы человек, а дело найдется. Потому что никакого конкретного обвинения Ставницеру не предъявили, вменяемая вина была более чем расплывчата – «за действия, кото-

рые могли нанести ущерб народному хозяйству». Что райотдел НКВД заинтересовался им и запрашивает информацию о его деятельности по всем прежним местам работы и проживания, Ставницер знал. Поэтому к визиту энкаведешников был готов, никаких компрометирующих материалов в доме не было. Купленный им в Норвегии бельгийский браунинг с патронами он выбросил в заброшенный шахтный ствол. В семье сохранилось предание, что отец это сделал во время прогулки с Виктором на руках.

Когда ночью позвонили в дверь, все всё поняли. Обычно, если был срочный вызов на шахту, трезвонил телефон. А ночным звонком в дверь будила людей только одна служба. Михаил Фроимович был спокоен и пытался успокоить, как мог, Александру Викторовну. Она опять была беременна – дочке Серафиме предстояло родиться в феврале 1938-го.

Обложка книги «На Шпіцбергені»

К счастью Ставницера, во время его ареста не было в производстве ни Москвы, ни Киева ни одного группового дела, «пристегнуть» его было некуда, выдумывать новый сюжет – хлопотно. Поэтому «вредителя» осудили на стандартные 10 лет и отправили в лагерь. Специалисты в ГУЛАГе ценились. На стройках социализма того времени широко применялись взрывные работы, которые шахтный инженер Ставницер знал досконально. А ближайшим местом, где его опыт мог найти применение, был Беломоро-Балтийский канал. Его строительством восторгалась вся страна, знаменитые деятели мировой культуры с легкой руки «буревестника

Горького» воспевали это эпохальное сооружение. На канале велись работы по оборудованию припортовых сооружений и транспортной инфраструктуры. Там Ставницер и взрывал гранитные сопки, преобразовывая природу. Он впоследствии пошучивал, что одинаково опасался ошибки как в определении количества взрывчатки, так и во времени взрыва: конвой часто ленился уводить команду далеко в сопки, но удалялся в них сам. И зеки рисковали быть погребенными под камнепадом.

Поскольку Михаил Ставницер был номенклатурой, то на семью распространялось правило «вырывать сорняк с корнями». То есть жен отправляли или вслед за мужьями, или в ссылку, а несовершеннолетних детей отправляли в детские дома. Не дожидаясь этой милости власти, Александра Викторовна уехала из Бобрик-Донского в Одессу. Вот где пригодилась «северная броня» на Франца Меринга! При жесточайшем кризисе жилья эта комнатка оставалась за семьей. Трудно сказать, как повели бы себя соседи, узнай, что дефицитная жилплощадь принадлежит врагу народа. Но все обошлось.

Все, что происходило дальше, трудно понять и пояснить, не зная той глубины чувств, на которых стояла семья, и взаимных обязательств мужа перед женой и жены перед мужем, которые были им привиты воспитанием в семьях и в обществе. Александра Викторовна неслучайно ерничала по случаю «обобществления» жен и мужей, интерпретируя по-своему аббревиатуру ВЛКСМ. Для нее все дети были во благо, для нее не было беременностей нежелательных, не ко времени, и рожала она, сколько Бог послал.

Родив в феврале 1938 года дочь Серафиму, она решила идти вызволять мужа. Конечно же, это было чистым безумием выступать в поход против Молоха, а сталинская репрессивная машина была страшнее Молоха, но никакие отговоры и увещевания ее не остановили. В Одессе у Михаила Фроимовича был старший брат Лев. Она упростила его принять двух старших – Раду и Эрнста, а меньшеньких – Вадима и Виктора – отдала в детский дом и с шестимесячной Серафимой отправилась в Москву.

С будущим наркомом угольной промышленности Оником, а тогда одним из заместителей наркома, Александра Викторовна была знакома и знала, что он Ставницера ценил и любил. Они вместе разрабатывали в Подмосковье технологии механизированной проходки штреков и бурения.

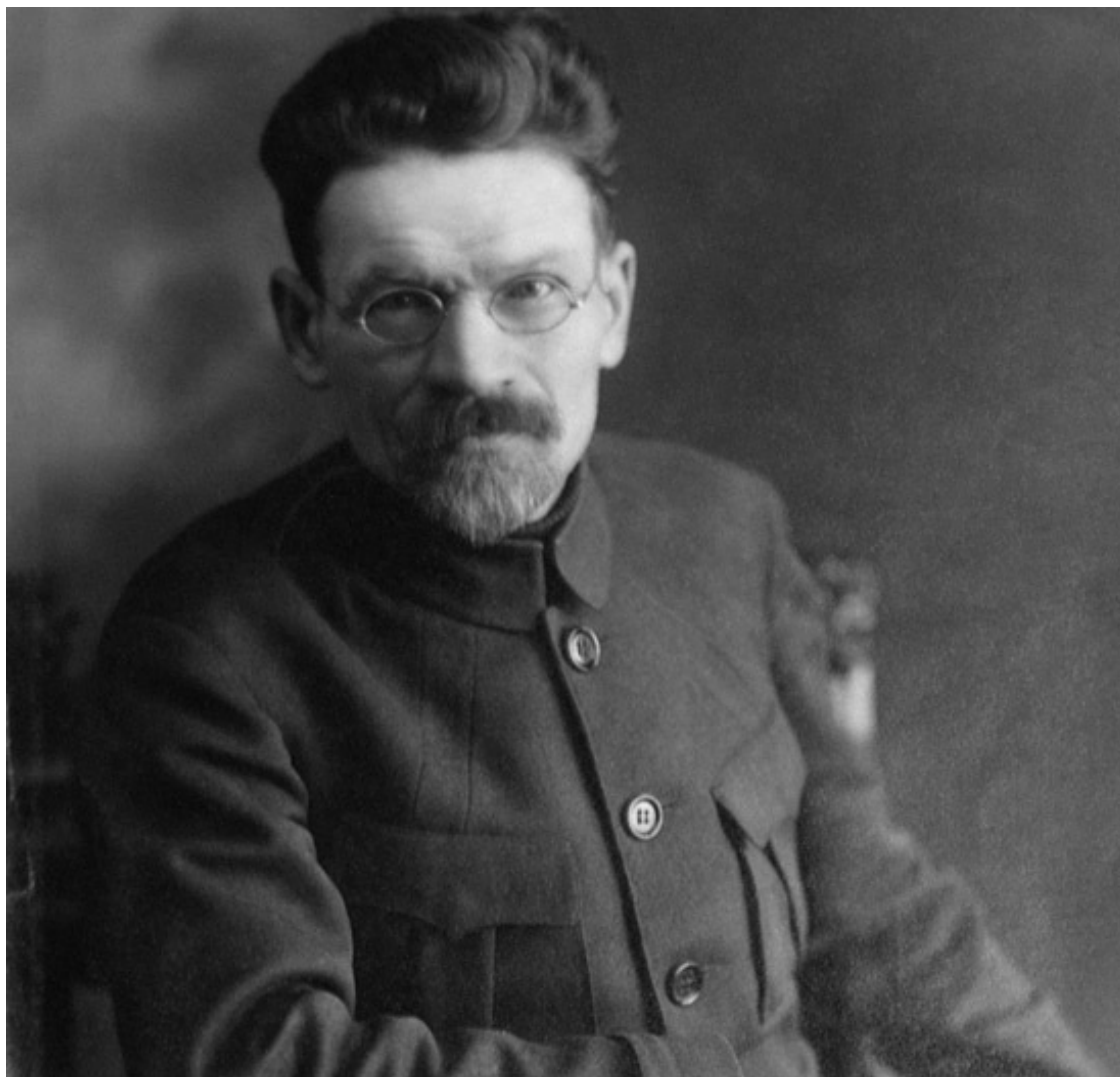
Дмитрий Григорьевич Оника

Оника принял Гуранскую не в наркомате, он пригласил ее домой. Дело Ставницера он знал, оно «политикой не пахло», но свистком дежурного по поезду паровоз не остановить. Официальное вмешательство пользы не дало бы. По его рекомендации Гуранская написала просьбу о помиловании на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Калинина. Тонкость замысла была в том, что у Оники с Калининым были свои отношения. Он забрал письмо, чтобы передать его из рук в руки, попросил Гуранскую набраться терпения и никуда больше не обращаться, снабдил ее деньгами, литером на купейный билет до Одессы. Александра Викторовна отправилась вызволять теперь детей из детского дома и налаживать новую, без главы семьи, жизнь.

Как развивались события, семья узнала нескоро. Как нарком Оника имел правительственную дачу и соседствовал с Калининым. Всесоюзный староста был единственным человеком в СССР, имевшим право помиловать осужденного. На это и был расчет.

Ни Калинин, ни Оника не принадлежали к кремлевской, как теперь бы сказали, верхушке. Конечно, Михаил Иванович входил в высшую иерархию страны, был близок к Сталину, но... Как и Оника, он был еще связан пуповиной с «почвой», из которой вышел, трудно вписываясь в вождистские забавы на ближних или дальних дачах, вместо заморских вин и кушаний предпочитал хлопнуть рюмку родной водки под лично собранные и засоленные грибки осенью, а выпив и закусив – попеть народные песни. Оба предавались этому удовольствию так часто, как им хотелось. А такого хочется всегда. И была у них еще одна общая страстишка – шахматы. Сражались всегда с упорством и с переменным успехом. Калинин якобы всегда победам по-ребячьи радовался, так же по-ребячьи обижался, проигрывая.

Оника не раз просил Калинина помиловать Ставницера. Но Михаил Иванович всякий раз брал просьбу Гуранской в руки и, помолчав, возвращал ее Онике. Опытный царедворец Калинин хорошо знал состояние погоды, которую теперь делал новый «нарком всего» Лаврентий Берия. Видимо, он тонким чутьем бюрократа понимал, что время для помилования еще не наступило, что оно не останется незамеченным и может вызвать подозрение или сомнение идеологов репрессивной политики. Но глубокой осенью 1940 года, выпив после победы в шахматной партии по рюмке, закусив груздями, благодушный Калинин вдруг сказал Онике: «Ладно, давай сюда твоего жида. Помилую...» Вышел Михаил Фроимович то ли под Новый год, то ли сразу после, уже в сорок первом – дата затерялась в радости. Перед появлением в Одессе он успел побывать в наркомате, Оника дал ему время отдышаться после лагерей и обещал трудоустроить подальше от мест, где арестовали.

Михаил Иванович Калинин

К возвращению мужа Александра Викторвна наладила в семье свой порядок. В те годы плановая социалистическая промышленность не могла удовлетворять потребности населения в элементарных бытовых товарах, отдала это хлопотное дело на откуп промышленным артелям, а те, в свою очередь, не имея необходимой производственной базы, прибегали к услугам надомников.

Мама и Рада пошли в надомницы. Они получали пакеты полотенежного полотна с нанесенным по трафарету синькой узором, который и вышивали крестиком. Видимо, заказчику работа нравилась, потому что скоро работу дали более тонкую и денежную – вышивку по шелку бисером. Так что материальное положение было не хуже, чем у людей. Возможно, жили тесновато, потому как к «возвращенцам» из детского дома Вадиму и Виктору скоро присоединилась собака Аза. С того самого 40-го года членами семьи всегда были собаки, далеко не всегда породистые, но непременно любимые.

Положение Ставницера-отца долго не могло оставаться неопределенным: помилование не значит оправдание. Поэтому решили так: он едет в наркомат за новым назначением, а семья пока остается в Одессе. Новым местом службы Михаила Фроимовича оказался Сталиногорск – там запускался новый шахтный комплекс. На календаре был май 1941-го. Предполагалось, что семья выедет к нему в июле или августе. Но пришло утро 22 июня... То ли в квартире не было радиоточки, то ли потому что в тот день хотелось быть вместе со всеми, но сообщение о

войне слушали на углу Меринга и Толстого – черные раструбы громкоговорителей стояли там на столбе до самих шестидесятых.

С первых дней войны из Одессы можно было выезжать только иногородним и только, как тогда говорили, в организованном порядке. Еще никто не знал слова «эвакуация», но вокруг вокзала – море людей. Одесса, как всегда летом, была переполнена отдыхающими со всех краев и окраин. 11 июля Александра Викторовна получила из Москвы правительственную телеграмму на красном бланке. В ней наркомат угольной промышленности просил местные и транспортные власти способствовать выезду из Одессы семьи специалиста М. Ф. Ставницера: жены Гуранской А. В. и пятерых детей – к месту работы мужа. Здесь нужно отдать должное Онике – отправить в июле сорок первого такую телеграмму было не меньшим нравственным подвигом, чем добиться освобождения товарища из лагерей. Тогда такие телеграммы еще дорогого стоили.

Для получения места в эшелоне нужно было попасть к военному коменданту. Но вокзал в осаде толпы, там правительственные телеграммы не в чести, если не сказать, что вызывают злобу, вне очереди – никого, все в равном положении. Александра Викторовна была в отчаянии. Но ранним утром 13 июня в квартирке на Меринга появился военный со знаками отличия политрука. Это был Яков Ставницер, младший брат Михаила, красавец-актер Одесского театра юного зрителя. У него была жена, тоже актриса, и двое малышей, но отправить их из Одессы он не мог, да и куда отправлять? И зачем? Кто в июле 41-го мог представить, какой будет эта война, на сколько затянется?

Проблема выезда была решена с театральным эффектом. В стоявшую у дома пролетку набились дети, в ногах – собака Аза. Яков и Александра стали по обе стороны на подножки, и пролетка покатила через Тираспольскую площадь и по Преображенской к вокзалу. Между Привозом и привокзальным садиком пролетка свернула и остановилась у небольших ворот, охраняемых часовым. Это был непарадный вход к военному коменданту. Шевроны политрука действовали магически. Оставив семью у ворот, Яков ушел к коменданту и скоро вернулся, всех пропустили внутрь. Аза вошла без пропуска и приглашения. На путях стоял состав: несколько вагонов «теплушек», из тех, в которых помещалось «40 человек или 8 лошадей», и ряд открытых платформ. Яков помог семье забраться на открытую платформу, поднял в прощании руку.

Мы его больше не видели. Во всех лексиконах корневым, несущим главную нагрузку и образующим цивилизационные смыслы словом является род.

Железнодорожный вокзал в Одессе, начало 1940-х

Родословная – от него. Так вот, род Ставницеров прошел испытания и гонения в царской и не в царской России. Не в каждом роду поступили бы, как старший брат Михаила, Лев Ставницер, принимая заботу о Раде и Эрнсте. Члены семьи врага народа – а брат был осужден как враг – имели право на попечение только государства, приютить их значило рисковать головой и своими детьми.

Отдавая детей, Вадима и Виктора, в детский дом, Гуранская была обязана назвать и причину сиротства – осуждение их отца. При том, что об этом должна была знать только директор детдома, вскоре о СВНах – сыновьях врага народа – узнали и воспитательницы, и детдомовцы. В памяти старшего, Вадима, остались октябрьские праздники, когда дети и он среди всех дружно пели песню-благодарность товарищу Сталину. Но когда все стали в круг для танца и должны были взяться за руки, девочка справа заявила, что детям врагов народа она руки не подает.

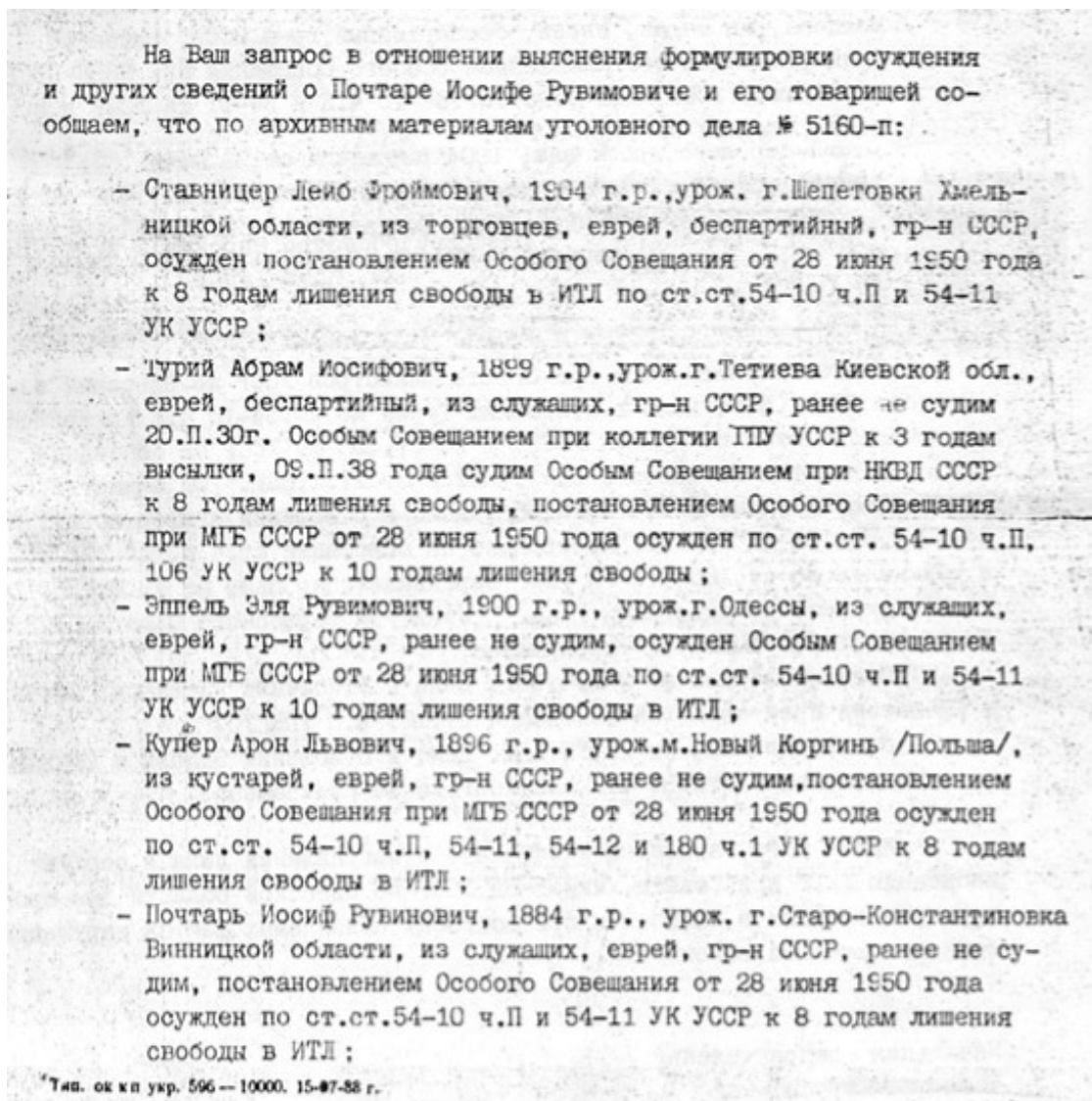
Яков Ставницер, нисколько не смущаясь и не таясь, вел себя так, как и подобает вести по правилам рода: посещал Гуранскую на Меринга, навещал детей в детском доме, всякий раз с подарками. Его судьба в войне подобна сотням тысяч других судеб. Как политрук он ушел из Одессы с отступившей армией, место для семей в обозе армии предусмотрено не было. Охочие донесли «новой власти» на жену комиссара и ее детей. Они были повешены на балконе их квартиры. Судьба Якова долго оставалась неизвестна. Предполагалось, что он пропал без вести.

Уже после войны, когда вслед за Гитлером и Сталин принялся освобождать мир от «сионистов», Лев Ставницер был осужден на шесть лет лагерей. Как опытный экономист он и в лагере работал в бухгалтерии, его фамилия была у зеков на слуху. Как-то к нему обратился один из заключенных с вопросом, не знал ли Лев человека с такой же фамилией, Якова Ставницера. Лев сказал, что у него был младший брат, пропавший без вести. И товарищ по несчастью рассказал ему историю, выглядевшую и страшной, и восхитительной одновременно. Историю из тех, которые трудно выдумать и которая покажется неправдоподобной всем, кто не знал о врожденном артистизме Якова и его склонности к театральности в самых невероятных и далеких от театральности ситуациях. По рассказу лагерника, они воевали в одной части с Яковым. Эта часть в 1942-м попала в окружение и была пленена под Харьковом. Ситуация для того времени, к сожалению, обычная. Когда солдат построили, последовала и обычная для той войны команда: «Жиды и комиссары, шаг вперед». Кто-то вышел. И только Яков выступил вперед на два шага – один как жид и другой как комиссар. Это была его последняя и блестяще сыгранная

роль. Якова Ставницера застрелили на месте, перед строем, как расстреляли и тех, кто вышел на шаг. Но его смерть запомнилась.

Все это будет потом... А пока семья – мама, пятеро детей и верная Аза – медленнее, чем когда-то чумацкие обозы, продвигается от фронтовых канонад в глубь страны. Зной. Люди задыхаются в набитых дальше некуда теплушках. На крышах вагонов красные кресты – опознавательный символ международного «Красного креста», – и все пока уверены, что немцы не будут бомбить эшелоны под этим знаком. Позади Раздельная, Березовка, Николаев.

Перед отправкой эшелона пассажирам сообщили «правила поведения на пути следования». Нельзя высовываться из дверей теплушек и стоять на платформах. Бдительно следить за сигналами паровоза, частые гудки означали тревогу. При остановке вне станции, что обозначает опасность, дождаться полной остановки состава и после отбежать от эшелона как можно дальше. Справлять нужду только на остановках. И еще что-то о небе, самолетах, защита красным крестом есть, но все же нужно быть постоянно готовыми...

Выдержка из архивного документа: «Ставницер Лейб Фроймович, 1904 г. р., урож. г. Шепетовки Хмельницкой области, из торговцев, еврей, беспартийный, гр-н СССР, осужден постановлением Особого Совещания от 28 июня 1950 года к 8 годам лишения свободы в ИТЛ по ст. ст. 54-10 ч. П и 54-11 УК УССР»

Несмотря на угрюмые лица взрослых, детям это путешествие представлялось приключением. Забившаяся в угол Аза привлекла в этот угол детей. От июльского зноя спасались самодельными тентами и «пляжными» шляпами из старых газет. Скоро вдоль насыпи начали появляться остовы сгоревших вагонов, груды искореженного металла. На станциях, где народу предоставляется возможность оправиться и набрать воды, часто краны оказываются сухими. В то время краны были для кипятка и холодной воды. Никто не спрашивает, почему воды нет – война.

Теперь не упомнить где, на каком отрезке пути паровоз начал резко тормозить и часто-часто гудеть. Кто-то крикнул «самолеты», и раздался такой звук, будто все взрослые одновременно вздохнули. Лязгая железом, состав стал. По обе стороны платформы сыпанули люди. Кто-то, не обращая внимания на остальных, бросился в пшеничное поле. Некоторые задерживались, помогая спуститься на насыпь пожилым и детям. И появились самолеты. Они летели навстречу составу четким треугольником. Пройдя над эшелонем, они описали полукруг и

опять оказались впереди. И кинулись вниз, как коршуны на цыплят, с диким, парализующим волю воем. Это были пикирующие бомбардировщики «Штука», сирены которых и должны были вселять цепенящий ужас, вжимающий человека в землю и лишаящий воли к сопротивлению.

Самолеты не бросали почему-то бомбы, они расстреливали нас из пулеметов. Первые очереди прошли тендер паровоза, паровоз – в облаке пара и едва виден, во все стороны летят щепки. Расстрел продолжался целую вечность. Потом самолеты опять выстроились треугольником и стали слышны крики людей.

Сколько было убитых и сколько раненых, никто не знал. Поиски и тех и других продолжались недолго. Машинист, специально выпустивший тучу пара для маскировки, гудками торопил к посадке. Снося раненых и убитых, люди возмущались обстрелом состава под красными крестами. Тогда никому в голову не могло прийти, что ни немцев, ни румын «Красный крест» остановить не мог: в списке цивилизованных народов население СССР не значилось. Формальная причина – потому, что под Международной конвенцией не было подписи Сталина. А настоящая... Настоящая состояла в том, что тот цивилизованный мир, который нам всегда ставят в пример, не видел разницы между людьми и режимом, от которого они страдали. Первой жертвой в семье от налета стала верная Аза. Она с перепугу убежала так далеко, что не услышала призывных гудков паровоза.

Оказалось, что мы не так далеко отъехали от Одессы. На станции, скорее всего, в Березовке, всех пересаживали на целые платформы, к вечеру состав пришел в Николаев. И в нашу жизнь вошло слово «эвакопункт». Там нужно было зарегистрироваться и получить «посадочный талон» на право следовать дальше. Очередь семьи подошла к утру. Правительственная телеграмма все еще производила впечатление. Правда, комендант станции не поленился выйти и пересчитать детей. Он бдитительно обратил внимание на странные «сидоры», которые имели старшие дети. «Сидоры» тогда сооружали из джутовых мешков. В нижние углы закладывали камешки и обвязывали веревкой. Получались ляжки, которые затягивались петлей вверх.

Так вот, наши «сидоры» выглядели подозрительно «коробчатыми», будто в них находились некие прямоугольные предметы. К примеру, рация или взрывчатка. Комендант велел развязать мешки. Что он подумал, сказать трудно – в «сидорах» были книги. Он пригласил маму в эвакопункт, откуда она вышла с талонами на посадку в поезд, ночью уходивший на Харьков.

Маму трудно себе представить барыней, не знающей реалий жизни и не понимающей, что такое военное время. Но, видимо, выработанные гражданской войной рефлексy притупились, а возможно, причиной тому и торопливые сборы, но как бы то ни было, а запас дорожной еды был сделан из расчета на продвижение в мирное время. Денег тоже было как кот наплакал. Спасением оказались два пакетика, которые Рада положила в свой мешок. Это были остатки черного бисера и стекляруса – тонких коротких трубочек из стекла. Когда она с матерью пошла в первые дни войны сдать в промартель работы и остатки расходных материалов, а заодно и получить расчет, то там уже висел пудовый замок. Меновая торговля способствовала появлению еды и предмета, без которого всю войну ездить по железным дорогам было невозможно, – это был чайник. Потом долгие годы, которые семья провела в переездах, на каждой большой станции самый прыткий со всех ног неся в «кубовую» за кипятком. Нашей станцией назначения пустынь – в тех местах, где некогда жил отшельник Тихон. Оттуда на телегах семью довели до шахтерского поселка к главе семьи. Он вырос неподалеку от шахт, в окружении полей ржи и негустых лесов. Весь август и большую часть сентября погода стояла ясной и теплой, война все еще казалась далекой – линия центрального фронта до броска немецких армий на Москву была в нескольких сотнях километров. Но эта «далекость» была иллюзией, которой душа противилась, а рассудок понимал. Война уже чувствовалась во всем. Небо дрожало от немецкой бомбардировочной авиации, которая сбрасывала бомбы дальше, на Подмоскowie и сама Москву. Окна в нашем доме тоже были заклеены накрест газетными полосками бумаги.

Это вообще был дефицитный расходный материал – газеты, и неслучайно от довоенных подшивок газет в библиотеках остались клочья.

Самолеты, бомбившие шахты, обычно несли одну-две тяжелые бомбы, которые старались положить в копер. Это в случае точного попадания разрушало выход из шахты и обрушало штреки. Во время очередного налета «юнкерс» сильно промазал, бомба упала в центре поселка. Так что газетные наклейки на окнах мало помогли, мы бегали смотреть на воронку невообразимой глубины. К концу лета уже было ясно, что немцы придут.

По дорогам на восток тянулись телеги, запряженные тощими лошадьми, проселками гнали стада коров, которые без подкорма и от безводья падали и не поднимались. Мама с пятью ребятишками была каплей в скорбном потоке. Русская деревня встречала эти потоки по-разному, кто сочувственно, кто со злорадством. Совсем не редкостью были заявления вроде того, что вот-де немцы придут и покажут жидам и большевикам.

Семья уходила по маршруту, согласованному с отцом. Он, ясное дело, оставался на работе и был назначен директором шахт прифронтной полосы. Шахтам предписывалось добывать и отгружать уголь до последней минуты. Специальные подразделения уже НКВД заминировали штреки и должны были взорвать шахты в последнюю минуту. Как впоследствии вспоминал Ставницер, опытные специалисты разработали особую схему подрыва шахт. Зная эту схему, шахты можно было быстро восстановить. А без знания схемы восстановительные работы предполагали новые взрывы в стволах и штреках, уничтожая шахту полностью.

Первые несколько недель семья как-то особенно и не торопилась, была какая-то смутная надежда, что, чем меньше от дома уйдем, тем быстрее вернемся. Просто держались на безопасном удалении от фронта. Но осень не война, ее мужеством солдат не остановить. С началом ливней дороги раскисли, под ногами и колесами превратились в грязное и непроходимое месиво. Когда ударили первые сильные морозы, семья остановилась в одной из деревень на Рязанщине. Мы жили там около месяца, а тем временем отец, выполнив свою работу, отбыл в распоряжение наркомата угольной промышленности, разыскал семью на Рязанщине и повез ее в Куйбышев. Но это так считалось – в Куйбышев. На самом деле старинная Самара была неким эвакуационно-распределителем. Прибывших туда прямо с куйбышевского вокзала отправляли дальше на Восток: в Зауралье и Среднюю Азию, Сибирь. Наш жребий был Казахстан. Это считалось удачей. Сибирь же еще хуже! Поэтому слезы и разочарование мамы у таких же, как и она, эвакуированных, сочувствия не вызвали.

До отправления эшелона с беженцами оставалось несколько дней. Мы жили на вокзале.

И вот в этом временном окне в дватри дня судьба нам улыбнулась – в эвакуационный пункт поступило письмо из наркомата с просьбой изменить предписание и оставить семью на европейской территории.

Ближайшим европейским городом для нас оказалась Сызрань – глухая русская провинция, не потерявшая своей самобытности с тех пор, как была основана в устье речки Сызранки. Пока не проложили Транссиб, городок жил за счет перевалки грузов с реки на землю и с земли на воду. Прошлое благополучие зажиточной, купеческой части городка, как и следы буйной жизни грузчиков и бурлаков, к 1942 году выглядели одинаково грустно и убого. Мощеных улиц в Сызрани отродясь не было даже в центре, поэтому летом, при малейшем ветерке, над улицами поднимались облака рыжей пыли. Вдоль проезжей части тянулись деревянные мостки, за палисадниками – домики торцевой частью к улице. В домах позажиточнее по два окна, непременно с резными наличниками. На озеленение за пределами палисадников моды и традиции не было, поэтому улицы после Одессы казались черными, мрачными и угрюмыми.

Сызрань почти не знала, что такое беженцы. Этот горевой поток шел через нее транзитом, на восток. В этом было везение семьи. Горсовет предоставил нам неслыханную для войны роскошь – отдельный домик. Он стоял на самой окраине. Это вообще была улица-однорядка, за ней сразу начинались поля. Простор полей с одной стороны обрывался с крутого берега в Волгу. Вдали реку пересекал железнодорожный мост, который местные уважительно называли «Сашкин мост», вообще-то он назывался Александровским. Было известно, что мост строго охраняется, и ближе километра с любой стороны к нему приближаться нельзя ни старому, ни малому: охрана стреляла без предупреждения.

Михаилу Фроимовичу удалось побыть в Сызрани несколько дней. Немцев скоро погнали от Москвы, он получил в Куйбышеве новое назначение в старые места, под Тулу, восстанавливать «умно» взорванные шахты. Семья оставалась в Сызрани – и потому что ехать было некуда, и потому что мама носила Лешку. В начале сентября сорок второго Рада встретила маму из роддома, и по зыбким мосткам они понесли младенца на улицу лицом к полю и краем к Волге. Новый член семьи оказался тихоней – не кричал, не капризничал. Если едкое мыло военных лет попадало ему на губы, он только кряхтел и морщился.

В конце ноября 1942-го мы засобирались в дорогу. Отец получил новое назначение в Тулу. Она была «режимным», закрытым городом – большую часть стрелкового оружия, противотанковых ружей и зенитных скорострельных пушек производили там.

Дорожный скарб семьи был скромн. Самым важным элементом экипировки были валенки, их удалось приобрести для всех членов семьи. Леше они еще не были нужны, в его распоряжении был короб дореволюционной работы – объемистая плетеная корзина с крышкой на кожаных петлях, с кожаными ручками по бокам. Изнутри она была выстлана подстилкой – стеганный шелк на вате. Так же шелком были обнесены и бока короба, крышка изнутри. При этом в крышке был широкий лючок, тоже имеющий снаружи кожаные застежки. Несмотря на почтенный возраст, короб был и чист, и крепок. Судя по остаткам ремней, его можно было крепить на запятках кареты. Вероятнее всего, он предназначался для перевозки барских щенков или собачек. Как бы ни было, короб служил Леше надежным укрытием на всем зимнем санном пути от Сызрани до Тулы.

Добирались мы то с короткими, то с длительными остановками в деревнях. Но выглядели они совсем иначе, чем осенью сорок первого. Уже не ревел голодный скот по обочинам, не плелись дорогами угрюмые старики и старухи. Ощущение неизбежного поражения переставало беречь души людей.

Деревни были полупусты, у них было женское лицо.

А что семья двигалась не от фронта, вызывало уважение, с которым приходили доброта и готовность поделиться куском кислого ржаного хлеба и миской тощей, без мяса и жира, похлебки из картошки и брюквы. Русь...

Появление в избе короба, в котором был не скарб, но живое существо, почти всегда вызывало интерес и желание помочь. Для матери и Лешки всегда находились теплый угол и горшок теплой воды. Запомнилось, как в одной из деревень мама расплакалась – пропало молоко. Мальцу всего ничего, кроме груди, иной пищи не знает. И тогда из дальнего конца деревни позвали молодую мать, муж которой уже воевал. Она приложила Лешку к груди, а когда он оторвался, пошутила – вот, дескать, и обзавелись мы молочными братьями. А может, это и не шутка была.

Зима с сорок второго на сорок третий стояла лютая, безоблачная. Но совершенно неожиданно могло завьюжить, космы сухого колючего снега обжигали лицо, и даже лошади норовили остановиться и отвернуть головы от такого снега. Такие метели заставляли наши сани в открытом поле несколько раз, и только каким-то чудом лошади находили дорогу к деревне. Однажды, выбравшись из такой вьюги, мы пережидали непогоду у добрых людей в очередной деревне.

Путь от избы к «нужнику» напоминал экспедиции в неизвестность. Мама и Рада вспомнили Шпицберген, на котором между домиками и службами зимой протягивали веревки. Деревенские слушали этот рассказ как сказку, расспрашивали, что за остров такой, дивились, что заносит туда людей по доброй воле. Чем ближе была Тула, тем дорога становилась опаснее – за каждой телегой охотились самолеты. Ехать приходилось ночами, чтобы не искушать судьбу. Уже на подъезде к Туле мы увидели в ночной мгле вдоль дороги странные сугробы. На вопрос матери, что это, возчик равнодушно пояснил – танки. Это действительно были танки Гудериана, которые в октябре 1941-го пытались, обойдя Тулу с востока, прорваться к Москве, но были остановлены не столько силой оружия Красной Армии, сколько теми дорогами сквозь леса и поля, которые распутица превратила в непроходимую защитную полосу.

Эрик, старший из сыновей, бредил настоящим оружием, он все норовил соскочить с саней и исследовать эти забытые танки, где непременно должны быть автоматы, пистолеты и гранаты. Возчик удержал его не опасностью, а гарантией того, что он до весны примерзнет к насквозь промороженному железу.

Мы въезжали в Тулу глубокой ночью. Город был темен и пустынен, действовал комендантский час. Несколько раз нас останавливал патруль для проверки документов и подсказывал дорогу к улице Свободы. Отец нас там ждал в доме № 20. На два с лишним года он стал для нас родным. Два с лишним года вместе, всей семьей, без переездов и расставаний – такого счастья у нас еще не было.

Восстановленные шахты, на которых работал Михаил Фроимович, находились в десятке километров южнее от города. Дорога к ним вела через выгоревшие дотла пригородные деревни Старое и Новое Басово, мимо разрушенного Косогорского металлургического завода. Поля были исполосованы линиями обороны, обрушившимися блиндажами. Эрика влекло туда, как магнитом. Там – оружие. К счастью, его страсть к поиску оружия закончилась «благополучно» – от взрыва детонатора мельчайший осколочек попал в глаз. Многим ребятам военных лет это стоило жизни и увечья.

Чем занималась в Туле семья? Рада, уже вполне взрослый человек, была маминой помощницей, этого ей хватало с головой. Кому пришлось время в школу – школьничали. Малыши держались за мамкину юбку. Присутствия Лешки по-прежнему не чувствовалось – он никогда громко не капризничал. Среди его первых слов не было «Хочу... Дай...». Видимо, первая картинка семьи для него была – уткнувшиеся в книжки папа с мамой, братья и сестры. В семье была какая-то жадность на книжки, возможно, потому что это было окно в иной мир. К слову, на тульской «толкучке» книжек было море.

Читать мы все умели с раннего возраста – и не по слогам. Однажды Рада, давясь от смеха, позвала всех «смотреть комедию». Она услышала в комнате, где был ребенок, какой-то странный шлепок, подумала, Лешка упал. Но оказалось, что, дотянувшись до стола, он стащил на пол тяжелую подшивку журналов «Всемирный Следопыт» и, усевшись возле нее, старательно глядел в страницы и шевелил губами. Мы наблюдали. Через некоторое время он перевернул страницу и продолжал шевелить губами дальше. Когда это занятие ему надоело, он попытался вернуть подшивку на стол. Сколько ему тогда было... Трех не было точно, три года ему исполнилось уже в Одессе.

Алексей Ставницер в детстве, 1940-е

Несмотря на военное время и небольшие недостатки, Леша рос здоровым и любимым всеми ребенком. В многодетных семьях ревность друг к другу редкость вообще, а Леша к тому же был абсолютно не капризен, не навязчив и не обременителен – сказка, а не братик.

Война закончилась, семья была полной, при отце и матери. При шести детях маме полагалась «Медаль Материнства».

Мама к материнству относилась серьезно, к медали – с иронией. Она полагала, что дети – это долг перед жизнью, а не заслуга перед государством. Вместе с красной косынкой комсомолки двадцатых она оставила в прошлом все иллюзии, ее карьерой и высшими достижениями были дети. Она хотела их успехов, достижений, взлетов и славы. Этого хотят все мамы. Но наша мама не тащила своих детей в светлое и прекрасное завтра силком, за руку. Она хотела, чтобы

мы этого хотели и достигали сами, чтобы все – из души. В семье никто ничего не заставлял делать – учиться, читать, помогать по дому, таскать в квартиру ведра с водой, гулять с собакой, играть на скрипке и тому подобное.

Наше возвращение в Одессу было лучшим из приключений детства. Дело в том, что отец получил новое назначение – уполномоченным по вывозу из Юго-Западной Европы оборудования для шахт и карьеров. Это, наверное, не совсем справедливое предприятие называлось репарациями. Страны гитлеровской коалиции рассчитывались с победителями за нанесенный урон нашей стране оборудованием своих предприятий. В зоне отца оказались Болгария, Румыния и Венгрия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.